

ОТ РЕДАКЦИИ

Известна одна история, что студент-филолог, приступивший к изучению творчества Шекспира, с удивлением находит в нем только собрание хорошо известных истин. К счастью, к концу обучения этот же студент узнает, что эти «истины» стали общеизвестными именно благодаря Шекспиру, творения которого слились с самой жизнью.

К сожалению, можно констатировать, что отношение к образованию определенного числа членов общества во многих аспектах приближается к первоначальной оценке студента, причем в силу тех же причин.

Действительно, образование – это один из тех социальных институтов, которые сопровождают человека в течение всей жизни и нередко притупляют чувство его уникальности и сложности. Создается впечатление, что всё и всегда можно направить по желаемому руслу, например: научить всех английскому языку или языку программирования, перевести на дистанционные формы обучения, реализовать компетентностный подход и т.д. И очень редко кто-то задается вопросом: а можно ли вообще сделать задуманное? Или, быть может, надо делать что-то иное?

Разумеется, если понимать образование как сферу услуг (что происходит сейчас довольно часто), то всё в конечном итоге сводится к организации финансовой деятельности.

Однако, если отталкиваться от смысла самого слова «образования» как создания «образа» человека в соответствии с определенными замыслами его метафизическая сущность встает «в полный рост».

Проблемы сути и содержания образования в конечном итоге упираются в «метафизику образования», которой и посвящен данный выпуск журнала.

Представленные в данном выпуске статьи составляют четыре раздела.

В первом разделе «Фундаментальные вопросы образования» содержатся три статьи. В статье А. Неклессы изложены размышления об образовании в контексте его исторического развития. Очень важным, с точки зрения современных дискуссий о концепциях образования, являются его размышления о сущности знания. Автор подчеркивает, что источником знаний является «контакт с подлинностью», возникновение «личностного диалога».

В статье А.П. Ефремова предложен оригинальный – «информационный» – взгляд на сущность образования. При этом речь идет не о воспроизведении известной кибернетической схемы информационных процессов с

обратной связью, а о фундаментальной трактовке образования как усложнении информационных систем. Только в этом случае человечество может противостоять нарастающей энтропии и спасти сам проект «Человеческая цивилизация».

Процесс построения образования исключительно многообразен и далеко не прямолинеен. Условно можно выделить «макроуровень», когда образование рассматривается в очень широком социальном контексте, а также «микроуровень», соотношения между которыми нуждаются в осмыслении с системных позиций. Этому вопросу посвящена статья академика РАО В.С. Леднева «Системный подход в педагогике».

Второй раздел «О реформе образования» включает две статьи. В статье член-корреспондента РАН В.В. Миронова «Проблемы реформирования российского образования» проблемы образования рассматриваются в общем контексте традиций российских реформ, начиная с реформ Петра I. В статье И.Э. Булыженкова и О.Н. Соловьева «Новая парадигма образования в проектных университетах-инфраструктурах может прийти из российских наукоградов» предпринята попытка предсказать динамику глобального преобразования системы образования через наметившиеся тенденции ее обновления и предложить уникальный для нашей страны путь формирования новых университетов-инфраструктур проектного типа на базе имеющихся наукоградов.

Третий раздел посвящен проблемам естественнонаучного образования. Здесь в статье С.А. Векшенова «“Смысл” как проблема науки и образования» на конкретном примере Московской математической школы проводится общая мысль: официальная секулярность науки Нового времени (и, следовательно, современной науки) часто восполнялось привнесением религиозного строя мыслей через систему образования. Очень часто такая «прививка» оказывалась исключительно плодотворной, причем именно в научном отношении.

В статье Ю.П. Рыбакова «Физическое образование: проблемы и методы» высказывается идея важности освоения не только конкретного учебного материала, но и определенных универсальных «паттернов», отражающих наиболее общие структуры реальности. В качестве примеров автор приводит принцип симметрии и принцип устойчивости. Несмотря на их общий характер, они позволяют устанавливать вполне конкретные физические свойства.

Статья И.С. Нургалиева «Метафизика физико-математического образования» посвящена обсуждению принципиальных моментов столь важного раздела естественнонаучного образования, от правильной постановки которого в вузах зависит будущее всей цивилизации.

Четвертый раздел представлен двумя статьями, посвященными вопросам гуманитарного образования: Т.Е. Владимировой «Онтологические основания образовательной парадигмы» и С.Ю. Поройкова «Анализ типов мышления».

Едва ли ни главным результатом образовательной и воспитательной деятельности должна стать целостная картина мира. Естественной средой её формирования является национальный язык. Однако в современном информационном социуме именно язык подвергается беспрецедентному давлению со стороны информационных технологий и средств массовой коммуникации. Эта ситуация, по мнению Т.Е. Владимировой, заставляет еще раз обратить самое серьезное внимание на язык как онтологическую основу образования.

Проблема типов мышления, затронутая в статье С.Ю. Поройкова, имеет важное значение для теории и практики дифференцированного обучения как одного из фундаментальных направлений современной образовательной парадигмы.

В традиционной для нашего журнала рубрике «Из наследия прошлого» помещены мысли об образовании выдающихся отечественных мыслителей В.И. Вернадского («Задачи высшего образования нашего времени») и П.А. Капицы («Некоторые принципы творческого воспитания и образования современной молодежи»).

В дополнение к вопросам, рассмотренным в названных статьях, хотелось бы остановиться еще на некоторых проблемах, которые особенно близки преподавателям высшей школы, то есть практически всем авторам журнала «Метафизика» (и не только авторам данного выпуска).

Значительная часть этих проблем связана с попыткой внедрения в отечественное образование искусственных, идеологически заряженных постулатов. Назовем только некоторые из них.

В печати много говорится о внедрении принципов демократизма в процесс образования, подразумевая при этом вольный характер посещения учебных курсов и организации «индивидуальной образовательной траектории». При этом, как правило, делаются ссылки на тенденции западноевропейского образования. Однако именно в европейском образовании возникло понятие «*pons asinorum*» («мост ослов»), преодоление которого (часто насильственное) является необходимым условием овладения знаниями. Если же и равняться на европейские традиции, то, по крайней мере, на те, которые проверены временем и не противоречат нашему мировосприятию.

Чрезвычайно болезненной для отечественного образования проблемой остается Единый государственный экзамен. О его недостатках писалось много. Однако следует затронуть еще один аспект. В прежние времена подготовка к вступительным экзаменам в вуз часто проходила под руководством вузовского же преподавателя в рамках его индивидуальной трудовой деятельности. После введения ЕГЭ этот «коррупционный», по мнению чиновников, момент был не ликвидирован, а перенесен «этажом ниже» – в общеобразовательные школы. Однако главная задача учителя – это освоение предметных знаний и воспитание личности, а не бесконечная проработка тестовых заданий ЕГЭ. Все это в результате не могло не сказаться на уровне подготовки поступающих на первые курсы высших учебных заведений.

Также следует сказать несколько слов об изучении иностранных языков.

Справедливо отмечают, что в настоящее время языком международного общения является английский и знать его необходимо вступающему в жизнь новому поколению отечественных специалистов. Однако следует помнить, что английский язык не всегда был языком международного общения. Когда-то научные работы было принято писать по-латыни. Этот язык и сейчас используется в медицине. В начале XIX в. в Европе первое место занимал французский язык. Известно, что вся русская элита в начале XIX в. говорила по-французски. В первой половине XX в. языком международного научного общения был немецкий. И лишь после Второй мировой войны, после поражения Германии, языком международного общения стал английский. Навсегда ли сохранится эта ситуация? Похоже на то, что языком международного общения оказывается язык того региона, который стал примером высокой культуры и значимого политического влияния.

Справедливо претендуя на одно из первых мест в мировой культуре, Россия должна заботиться и о распространения в мире русского языка. В связи с этим одному из авторов вспоминается 3-я Международная гравитационная конференция в Варшаве (1962 г.), в которой ему пришлось участвовать в советской делегации вместе с академиком В.А. Фоком. Фок в совершенстве владел английским, немецким и французским языками, тем не менее, он выступал с пленарным докладом на русском языке и сам переводил себя на... французский язык. Следует напомнить, что великий немецкий математик К. Гаусс стал изучать русский язык для того, чтобы в подлиннике ознакомиться с трудами Н.И. Лобачевского. В первой половине XX в. Нобелевский лауреат Нильс Бор позаботился о том, чтобы его сын Оге Бор овладел русским языком, чтобы он мог знакомиться с работами российских физиков. Можно привести и другие примеры.

Необходимо также обратить внимание на систему оценок научного уровня отечественных вузов и трудов отечественных ученых по системам, разработанным за рубежом. Во-первых, следует подчеркнуть, что сами системы подобных оценок предназначены именно для чиновничества, а не для научного сообщества, которое и без них объективно представляет значимость как вузов, так и научных заслуг своих коллег. Во-вторых, следует заметить, что, как правило, эффективность научной работы пытаются оценивать по публикациям в зарубежной печати (на английском языке). Этим побуждают отечественных ученых публиковать свои работы фактически для зарубежных ученых. При этом публикации в отечественных журналах (для отечественного читателя) мало котируются. Все это свидетельствует, что нужно пересмотреть суть и назначение используемых западных критериев оценок как учебной, так и научной работы, приспособить ее к отечественной специфике.

В последнее время из сотрудников университетов фактически исключили штат научных сотрудников, оставив в основном лишь преподавательские

должности с достаточно высокой почасовой загрузкой профессорско-преподавательского состава. В результате у преподавателей практически не остается времени на научную работу. А кто же может достаточно успешно развивать научную работу? Как правило, это именно высококвалифицированные кадры, преподающие в университетах. Видимо, настало время пересмотреть тенденцию устранения штатных научных кадров в университетах и распределять нагрузку между всеми сотрудниками университетов, учитывая способности и склонности профессорско-преподавательского состава к научной и преподавательской деятельности. Напомним, что находящиеся на научных должностях сотрудники в университетах в былые времена всегда участвовали и в преподавательской деятельности, однако посильной для выполнения научных исследований.

Разумеется, в образовании существует много и других очень важных проблем. Мы надеемся, что данный выпуск журнала «Метафизика» привлечет внимание к этим проблемам и, возможно, позволит сделать еще один шаг в направлении их решения.